

Ирина Вепрева*Уральский федеральный университет**Пр. Ленина, д. 51, 620000 Екатеринбург, Россия**Тел. +7 912 267 54 04**E-mail: irina_vepreva@mail.ru**Область научных интересов автора: русский язык, социолнгвистика, семантика***РОЛЬ МЕТАОПЕРАТОРА В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ СЛОВА
В СОЗДАНИИ ИДЕАЛИЗИРОВАННОЙ КАРТИНЫ МИРА**

В статье рассматривается функционирование в современной русской речи метаоператора «в хорошем смысле слова», который наряду с другими типами оценок участвует в создании идеализированной картины (модели) мира. Автором выделено два типа рефлексивных высказываний на основании особенностей прагматической семантики. В первом типе метаоператор «в хорошем смысле слова» выполняет функцию полной нейтрализации отрицательных семантических компонентов, присутствующих в лексическом значении слова. Второй тип объединяет высказывания, в которых функция метаоператора сводится к нейтрализации негативных узальных или индивидуальных коннотаций, не входящих в понятийное ядро слова. В статье также представлены результаты проведенного экспериментального исследования, которое призвано опытным путем, во-первых, проверить потенциальную возможность аксиологической перекодировки любого негативного слова, во-вторых, возможность появления оценки у безоценочного слова. Эксперимент дал положительные ответы на обе поставленные задачи, что позволило автору сделать вывод о том, что идеализированная модель мира практически накладывается на языковую картину мира в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метаязыковое высказывание, оценка, лексическая семантика, прагматическая информация, коннотация.

Одна из первых работ, посвященная кардинальным языковым изменениям в России, – книга В. Г. Костомарова с емким названием «Языковой вкус эпохи» (Костомаров 1994). Если определить одним словом, что лежит в основе языкового вкуса современной эпохи, то это – самое общее стремление к свободе выражения. Многоаспектный фактор свободы (концептуальной, оценочной, языковой) стимулировал усиление личностного начала, особенно в публичной речи, коммуникативного права говорящего на «возможность подвергать индивидуаль-

но-субъективным оценкам любой предмет речи и компонент коммуникативного акта» (Матвеева 2000, с. 50).

Проявлением личностного начала является, в частности, оценочная интерпретация языкового знака, обостренная рефлексия носителя языка. Одна из ярких примет современного дискурса – широкая включенность в языковой контекст эпохи метаязыковых высказываний, которые комментируют, интерпретируют употребление той или иной лексической единицы, например: *Мне не нравится слово «позиция», лучше «гражданский*

темперамент» – у кого-то он есть, у кого-то нет (Деловой Петербург (Санкт-Петербург); 13.01.2012); *Вслед за европейскими финансовыми аутсайдерами страшное слово «дефолт» начинает применяться в отношении США* (Известия; 15.07.2011); *Одно то, что в сборной начались процессы, описываемые модным словом «движуха», уже хорошо* (Спорт-экспресс; 16.01.2012); *Патриарх Кирилл: «Я использую это слово «кошмарить» не потому, что это слово из моего лексикона, а потому что это слово сейчас широко распространено, и люди понимают, о чем речь идет»* (Вечерний Магадан; 12.01.2012). Можно сказать, вступая в переключку с названием монографии В. Г. Костомарова, что современная эпоха имеет метаязыковой привкус: как щепотка соли, метаязыковые высказывания помогают выявить антропоцентрический характер современного языкового существования, подчеркнуть значимость личности в языке, осознающей себя в свободном выражении своей оценочной позиции (см. Вепрева 2005).

Спектр оценочных метавысказываний в современной речи широк. Рациональная оценка обычно связана с выражением мнения говорящего–слушающего о пригодности, точности, верности языкового средства в данном высказывании. Отсюда разнообразные варианты выражения речевой критики: *правильно – неправильно, точно – неточно, верно – неверно* и т. д. Самыми частотными и действенными операторами эмоциональной оценки являются глаголы *люблю – не люблю, нравится – не нравится*. Общие аксиологические значения могут быть представлены прилагательными, характеризующими то или иное упот-

ребляемое слово, например: *хорошее, замечательное, прекрасное, плохое, отвратительное слово*.

Оценочные метаязыковые действия говорящего показывают, что носитель языка вполне свободно оперирует оценочным потенциалом разнообразных единиц языковой системы. Познавая мир через аксиологическую шкалу «хорошо» – «плохо», он создает идеализированную картину (модель) мира, в которую входит то, «что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. <...> В идеализированную модель мира входит и то, что уже (или еще) есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в нее входит целиком и полностью и сам человек» (Арутюнова 1988, с. 58–59). Метаоценки наряду с другими типами оценок участвуют в создании идеализированной модели мира, поскольку они одновременно являются и аксиологическими высказываниями по отношению к объектам действительности. Часто основанием метаоценки оказывается предметно-логическое содержание слова. Так, слово «ненавидят», если явление, им обозначенное, представляет собой угрозу для человека или способно вызвать у него состояние страха или тревоги, например: *В марте всё чаще слышится страшное слово «авитаминоз», на который принято списывать все весенние болячки* (Аргументы и Факты; 06.04.2011). Или слово нравится, если говорящий переживает положительные эмоции и у него поднимается настроение, когда он сталкивается с объектом, номинированным данным словом: *Ах, это сладкое слово десерт!* (Комсомольская правда; 21.01.2012).

Среди разнообразия метаязыковых комментариев особый интерес вызывают конструкции, включающие метаоператор *в хорошем смысле слова*, который служит средством обозначения объекта идеализированного мира. Данный речевой стереотип выступает как оператор семантического преобразования лексики, переполюсирования ее аксиологической составляющей. Общая функция, которую «назначает» говорящий метаоператору, включая его в свое высказывание, сводится к стремлению с его помощью изменить отношение адресата к тому, о чем идет речь, изменить очевидный смысл сказанного. «В языке-системе обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего, что обусловлено психической предрасположенностью человека считать хорошее нормой» (Чернейко 1996, с. 47). Существующая в языке разветвленная сеть средств негации активно эксплуатируется в речи. На фоне этой тенденции метаоператор *в хорошем смысле слова* является своеобразным навигатором в поиске оценочных смыслов «хорошести», вовлекая в круг лексических единиц с данным оператором прежде всего слова с негативной семантикой. Для человека свойство «хорошести» обладает неким магнетизмом (см. Арутюнова 1988, с. 52), найти хорошие смыслы в плохом слове – значит обнаружить соответствие идеализированной модели макромира человека, осознаваемого как цель бытия человека, отразив точку зрения говорящего на данную внеязыковую ситуацию.

Наша исследовательская задача – определить функциональную нагрузку, выполняемую метаоператором *в хорошем смысле слова* в составе реф-

лексивных высказываний, описать механизм актуализации положительного оценочного компонента в семантике слова, сопровождаемого данным метаоператором. Материалом исследования послужили высказывания, содержащие анализируемый метаоператор, извлеченные из текстов современных СМИ с помощью информационно-поисковой базы данных Интегрум (www.integrum.ru). В банке данных содержатся полные архивы СМИ, большинство из которых начинается с середины 90-х годов XX века. Таким образом, наш материал (около 10 тысяч документов, содержащих сочетание *в хорошем смысле слова*) охватывает почти два десятилетия.

Наблюдения за варьированием лексической семантики, которая аксиологически трансформируется с помощью метаоператора *в хорошем смысле слова*, требуют от нас остановиться на некоторых общих вопросах семной структуры слова. Оценочное отношение адресата сообщения к описываемой знаком действительности входит в прагматическую информацию о слове, которая в семасиологической практике рассматривается как коннотативный макрокомпонент лексической семантики, как субъективно-модальное приращение к объективному значению слова (Арутюнова 1988; Апресян 1995а; Кобозева 2000; Телия 1996 и др.). В работах по лексической семантике выделяют два типа прагматической информации: 1) прагматические компоненты, которые дополняют понятийную информацию; 2) прагматическая информация, которая «впрессована в лексическое значение слова» (Апресян 1995б, с. 144) и не может быть изъята из толкования. Для обыденного сознания эти типы прагматической информации

оказываются нерасчлененными и передаются одним видом метаязыкового комментирования – *в хорошем смысле слова* или *в плохом смысле слова* – в зависимости от типа оценочной информации.

Охарактеризуем полученные группы рефлексивных высказываний на основании типа прагматической семантики.

I. В первую группу вошли высказывания, в которых метаоператор *в хорошем смысле слова* выполняет функцию полной нейтрализации отрицательных семантических компонентов, присутствующих в лексическом значении слова. Необходимо отметить, что в современной языковой ситуации активно используется именно такой тип метаоценки, к которому говорящий прибегает в постоянном поиске новых выразительных средств. Метаоператор *в хорошем смысле слова*, сопровождая лексические единицы, обладающие сильной энергетикой отрицательно заряженного слова, приводит к его аксиологической переориентации. Метатекстовой ориентир направляет сознание адресата по нужному пути, определяя информативную ценность слова, указывает, как следует оценивать ту или иную информацию. Своим метакомментарием говорящий сообщает читателю: «Знай, что это слово имеет семантические компоненты, которые оцениваются как плохие. Отметай в слове то, что плохо, и ищи то, что хорошо». Метаоператор является своеобразным предписанием, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии лексемы. При этом сильная энергетика негативно заряженной лексемы сохраняется, парадоксальным образом воспринимаясь как положительная. Например: *Но и*

сейчас тоже я вижу, как «Прожекторперисхилтон» хулиганит в хорошем смысле слова (Московский Комсомолец; 21.11.2011). Словарное значение глагола *хулиганить* – «(разг.) Заниматься хулиганством, грубо нарушать общественный порядок, безобразничать» (Толковый словарь русского языка 2008, с. 1074). Глагол *хулиганить* относится к лексико-семантической группе глаголов поведения, в которую входят такие лексемы, как *безобразничать, буйнить, бесчинствовать, дебоширить, озорничать* и др. Глаголы объединяет общий семантический компонент ‘бесцеремонное поведение, нарушающее общественный порядок’. Метаоператор *в хорошем смысле слова* нейтрализует отрицательные смыслы негативного с морально-нравственной точки зрения поведения, оставляя при этом у глагола признак ‘неординарность, смелость, ненормативность в поведении’. Контекстные условия помогают реализовать положительное значение глагола *хулиганить*. В позиции субъекта поведения находится не бесчинствующий хулиган, грубо попирающий устои общества, а группа молодых телеведущих программы «Прожекторперисхилтон», смело экспериментирующих в формате телевизионных ток-шоу. Яркое проявление креативности может только поощряться в обществе, поскольку свидетельствует о творческом потенциале, желании личности реализовать себя в работе, преодолевая стандартность мышления и нормативность поведения.

Собранный материал позволяет выделить несколько продуктивных подгрупп, в рамках которых проявляется эффект подобного переполюсирования. В них включаются прежде всего аген-

тивные имена, носители признаков, определяющихся наклонностями человека. Это могут быть также атрибутивные и процессуальные характеризаторы или отвлеченные свойства предмета (одушевленного и неодушевленного) / явления. Например: *Он сумасшедший в хорошем смысле слова* (Метро (г. Москва); 03.11.2011); *Эти в хорошем смысле слова безумцы* ежегодно отдают себя Московскому фестивалю до остатка, целыми днями курсируют по Новому Арбату от «Октября» до «Художественного», где проходят пресс-показы (Литературная газета; 06.07.2011); *Нельзя не отметить сумасшествие (в хорошем смысле слова), которое творилось на трибунах во время женского финала* (Красная звезда; 25.10.2011).

Лексемы *сумасшедший*, *безумец*, *сумасшествие* в прямом значении номинируют людей с крайне неуравновешенным поведением (или само это поведение), отличающее их от поведения людей с нормальной психикой, поступающих в соответствии с общепринятыми нормами. Эти единицы объединяются также общим переносным значением, которое формулируется как «крайний, исключительный (по величине, степени)» (Толковый словарь русского языка 2008, с. 959). Нейтрализация с помощью метаоператора прямого отрицательного значения этих единиц актуализирует значение интенсивного проявления положительных признаков, характерных для поведения здоровых людей.

Большинство лексем с негативной оценкой связаны отношениями предметной кореферентности с оценочными антонимами. Они «указывают на тождественные (или сходные) явления действительности, но присваивают им

противоположные оценочные значения» (Эпштейн 1999, с. 21). Например: *Зиборова в хорошем смысле слова великий скопидом* (Коммуна, Воронеж; 07.03.2000); *У вас превосходный лидер, прагматик, практик, хозяин, жлоб в хорошем смысле слова, когда речь идет об интересах города и горожан, жителей столицы* (Тверская 13, Москва; 22.04.1999). Лексемы *скопидом* и *жлоб* являются синонимами и обозначают лиц по негативным личностно-характеризующим качествам, таким, как скупость, которая осуждается общественной моралью: *скопидом* – человек, бережливый **до скупости**; *жлоб* – **скряга, скупец**. Скупой – «1. Чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расходов» (Толковый словарь русского языка 2008, с. 983). Оценочно антонимичными, положительно окрашенными являются признаковые лексемы *бережливый, практичный* (человек). Или:

Впрочем, «Балда» представляет собой почти час сплошного удовольствия – музыки удивительно самобытной, легкой и в хорошем смысле слова нахальной (Газета (Москва); 25.01.2007). Оценочная антонимия: *нахальный* – *решительный*;

Да и молодежь нынче пошла другая – наглая в хорошем смысле слова (Спорт-экспресс; 07.06.2011). Оценочная антонимия: *наглый* – *дерзкий*.

Подобная противопоставленность лексем по характеру оценки при наличии общего денотата была предметом специального исследования (Эпштейн 1991, Бацевич и др. 1999). Отношения между прагмемами, по Эпштейну, не исчерпываются дихотомическими связями. Автор моделирует четырехэлементные структуры (тетрады), которые

позволяют структурировать оценочное использование лексики. Так, если взять в качестве архитемы «трата средств», то преобразование ее по правилам тетрады даст четыре оценочных лексемы. В них «будет выражено как положительное, так и отрицательное отношение к обильной трате средств (*щедрость, бескорыстие – расточительность, разбазаривание*), так и положительное и отрицательное отношение к отказу от траты средств (*бережливость, экономность – собственничество, накопительство*)» (Эпштейн 1991, с. 24).

Относительность подобной характеристики одного и того же объекта оценки в зависимости от позиции говорящего ставит вопрос о потенциальной возможности аксиологической перефокусировки любого негативного слова. Так, например, Т. В. Радбиль (2011), рассматривая функционирование метаоператора *в хорошем смысле слова* в речи, считает, что оценка обязательно должна быть полимодальной, т. е. одновременно характеризующей объект оценки с разных сторон – и в положительном, и в отрицательном регистре (*X в каком-то смысле хорошо, а в каком-то плохо*). По его мнению, невозможна сочетаемость со словом или выражением, имеющим явный отрицательный оценочный компонент: **мерзавец в хорошем смысле слова; *гадкий в хорошем смысле слова; *клеветать в хорошем смысле слова*.

Поиск ответа на дискуссионный вопрос осуществлялся нами экспериментальным путем¹. Опрашиваемым предлагались 10 лексических единиц, содержащих в своем значении одно-

значно негативную оценку лица (или его деятельности, поведения): *куриные (мозги), предатель, иуда, крыса, кровопийца, жестокий, гнилой, аморальный, слюнтяй, безвольный*. Необходимо было ответить на два вопроса: а) могут ли эти слова сочетаться с метаоператором *в хорошем смысле слова*? б) если такое сочетание возможно, то каково его значение? Эксперимент был проведен среди студентов политологического и филологического факультетов Уральского федерального университета.

Большинство опрашиваемых на вопрос о возможности существования предложенных высказываний ответили отрицательно, что свидетельствует о том, что в языковом сознании носителя языка положительный метаоператор *в хорошем смысле слова* несовместим со словами, обладающими ярко выраженной негативной семантикой. Наряду с этим были немногочисленные ответы, представляющие собой индивидуально-творческую попытку толкования предложенных сочетаний и свидетельствующие о том, что развитое языковое мышление конкретного носителя языка способно извлечь из любого негативного слова положительный смысл зачастую при опоре на специализированный контекст. Выборочно проиллюстрируем ряд ответов:

Аморальный в хорошем смысле слова – *в контексте современных нравов, когда нарушение некоторых норм, а также достаточно распущенное поведение не считаются зазорными; человек, который отпускает сальные, но смешные шутки; человек без комплексов, раскрепощенный; свободно мыслящий, новатор; человек, ведущий себя непривычно, держащийся не в об-*

¹ Эксперимент проводился студенткой филологического факультета УрФУ А. И. Бушлановой.

щепринятых рамках, не обязательно плохо, но по-своему.

Иуда в хорошем смысле слова – роль в мюзикле “*Jesus Christ Superstar*” (могда иуда может стать синонимом хорошего актера); древнееврейское имя. Отметим, что метаоператор в последнем толковании служит контекстуальному разведению значений многозначного слова.

Крыса в хорошем смысле слова – о человеке, родившемся в год Крысы; человек, который может пробиться везде; ловкий, проворный человек, легко приспосабливающийся к новым, неожиданным обстоятельствам; бережливый, экономный человек; заправливый, практичный человек; шутиливо, с легкой иронией, по-дружески подчеркивая какие-либо качества близкого человека, например, *стервозность*.

Результаты эксперимента показали, что творческий подход к слову подтверждает известную мысль о неисчерпаемой глубине лексической семантики, но в то же время демонстрирует безусловную сложность позитивного осознания слова с явно отрицательным оценочным компонентом. Аномальное сочетание абсолютно негативного слова с метаоператором *в хорошем смысле слова* можно сравнить с экспрессивным высказыванием *Ну, ты и мерзавец!*, в котором выражено восхищение степенью совершенства негативного качества, доведенного до абсолюта. Говорящий как бы утверждает: «Мне нравится это в тебе, но я не хочу быть таким». В данном высказывании остается та многомерность, которая отсылает к генетически отрицательному значению, не исчезающему при переводе слова в позитив. Выборка из СМИ подтверж-

дает реальное функционирование подобных рефлексивных высказываний, например: *Гай Ричи – импозантный, неприступный, с сильным характером, и что-то сволочное в хорошем смысле слова во взгляде...* (Московский Комсомолец в Томске (Томск); 11.01.2012); *В декабре заработал бар-ресторан «Куклы – пистолеты». «Название специально придумывали идиотское в хорошем смысле слова», – вспоминает Левицкий* (Ведомости; 04.03.2011).

II. Вторая группа объединяет высказывания, в которых функция метаоператора в хорошем смысле слова сводится к указанию на то, что слово употребляется в значении без учета разного рода негативных узуальных (коллективных, общих) или индивидуальных коннотаций, не входящих в понятийное ядро слова.

В этой группе большой корпус высказываний составляют фразовые единицы, в которых метаоператор выполняет функцию деидеологизации лексемы. В составе таких высказываний чаще всего функционируют единицы, получившие негативную окраску в советское время. «Советизированная» оценочность слов в сложившемся политико-идеологизованном новоязе в постсоветский период сменила свою качественную семантику, получила иной коннотативный разворот, например: *Это труд на себя свободный, инициативный, капиталистический в хорошем смысле слова* (Литературная газета; 07.12.2011); *Вообще-то обстоятельство, что этот по всем внешним признакам «буржуазный» (в хорошем смысле слова) театр всячески пытается осваивать «дикое поле» новой отечественной пьесы, – несомненно, заслуживает как минимум*

особого доброго слова (Литературная газета; 16.03.2011).

Кроме того, всему советскому в постсоветский период закономерно была присвоена пейоративная коннотация, которая приобрела устойчивый характер и зафиксирована, в частности, в «Толковом словаре конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г. Н. Складневской (1998). Так, слово *советский* в современной речи получило новое, качественно-оценочное значение «Присущий, свойственный советскому времени; такой, как в советское время» с пометой «неодобр.». Но всякая современность, по мнению С. С. Аверинцева, не должна замыкаться в себе, поскольку в таком случае заболевает «хроническим провинциализмом». Метаоператор *в хорошем смысле слова*, сопровождающий «советские» лексемы, свидетельствует о попытке говорящего освободить слово от новых негативных идеологических наращений, «реабилитировать» его. Например: *Когда мы вошли, я понял, что меня привлекло. Что-то было в этом магазине давнее, вы удивитесь, – «советское», в немногочисленных хороших смыслах этого слова. Какое-то вечернее спокойствие, устойчивость и спокойная не то, что бедность, скажу, небогатость, причем без всякой злости или уныния* (Континент; 15.09.2009); *Все зависит от аудитории каждого канала: канал «Россия», например, показывает более традиционные, в хорошем смысле слова советские передачи* (Известия; 08.09.2006).

Следующий корпус рефлексивных суждений составили высказывания, в составе которых метаоператор *в хорошем смысле слова* призван освободить слово от индивидуальных негативных коннотаций. Метаоператор поясняет, что

слово употребляется в прямом значении без учета возможной пейоративной окраски, формирующейся в узуальном употреблении современного носителя языка. Более того, цель использования говорящим метаоператора – «подстраховать» адресата от появления в его сознании этих негативных коннотаций. Например: *Совладельцами той компании были армяне, у Арзиманова завязалась с ними крепкая мужская дружба в хорошем смысле слова* (Business Week – Россия; 25.09.2006); *«История творческой семьи Митуричей–Хлебниковых ... началась с поэта-футуриста ... Велимира Хлебникова, с которым в 1916 году познакомился и в которого влюбился – в хорошем смысле слова – начинающий художник Петр Митурич* (Аргументы и факты; 24.10.2001). Использование метаоператора в этих высказываниях, на первый взгляд, кажется совершенно ненужным. При конвенциональном употреблении словосочетания *мужская дружба* и лексемы *влюбленность* не возникает негативных коннотаций. Тем не менее, лексемы *влюбленность* и *дружба*, когда речь идет о мужчинах, вызывают в сознании современного реципиента ассоциативные связи с нетрадиционной сексуальной ориентацией в связи с активным обсуждением этих проблем в средствах массовой коммуникации. Детабуизация запретных тем, связанных с интимной стороной жизни человека, в постсоветский период привела к публичному обсуждению физиологических проблем и потребовала активного заполнения существующих языковых лакун сексуальной сферы. Дырчатость языка была отчасти ликвидирована путем использования нейтральных литературных слов в переносном значении

(Вепрева 2006, с. 19–27). Вследствие этого семантическая аура данных слов приобретает нежелательные ассоциации. Чтобы избежать подобных двусмысленностей, говорящий вынужден, употребляя такие слова, использовать в качестве пояснения метаоператор *в хорошем смысле слова*: *В институте можно получить три ценные вещи: знания, навыки и, в хорошем смысле слова, связи* (Вечерняя Москва; 18.04.2003); *Был этот Иосиф благородных, голубых в хорошем смысле слова кровей* (Дружба народов; 15.09.1998).

Считается, что за рамками оценочности остаются слова нейтральные, «прямое значение которых ничего не предопределяет в отношении говорящих к обозначаемым ими явлениям» (Эпштейн 1991, с. 19), иррелевантные «по отношению к выражению оценочности: **стул в хорошем смысле слова; *стеклянный в хорошем смысле слова; *есть в хорошем смысле слова*» (Радвиль 2011, с. 571).

Наше экспериментальное исследование включало задание, выясняющее возможность появления оценки у безоценочного слова. В анкете предлагались два высказывания:

- *В данной ситуации этот человек – человек в лучшем смысле слова;*
- *Купила диван, диван в лучшем смысле слова.*

Участникам эксперимента необходимо было ответить на два вопроса: а) о каком человеке идет речь? б) о каком диване идет речь?

Отметим, что для этого эксперимента был выбран другой метаоператор – *в лучшем смысле слова*, синонимичный анализируемому наряду с другими существующими вариантами (*в отлич-*

ном смысле слова, в прекрасном смысле слова, в позитивном смысле слова, не в плохом смысле и т. д.). Мотивируем свой выбор. Качественное прилагательное *хороший* обозначает градуированный признак, способный проявляться в большей или меньшей степени. Мы заметили, что в некоторых контекстах прилагательное *хороший* сближается с прилагательным *настоящий*, т. е. «действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-либо» (Толковый словарь русского языка 2008, с. 496). Выбирая для эксперимента метаоператор *в лучшем смысле слова*, мы гипотетически предполагали, что именно это значение будет актуализироваться в сочетаниях с нейтральными лексическими единицами. Результаты опроса показали, что все респонденты выполнили задание, отказов от интерпретации предложенных сочетаний не было. Первую группу составили ответы, в которых характеристика «лучший» связывается с неким обобщенным образцом, идеалом, стандартом:

Диван в лучшем смысле слова – о качествах, по мнению говорящего, лучших для дивана; стандартный; о диване, который в сознании говорящего отвечает качествам лучшего; тот диван, который хотел купить говорящий, идеальный для него; диван в классическом понимании, соответствующий представлению говорящего об идеальном диване.

Человек в лучшем смысле слова – о человеке, который выразил свои лучшие человеческие качества; человек с большой буквы; человек, который повел себя согласно общечеловеческой морали; человек, который проявил самые высокие качества, присущие людям; высокон-

равственный человек; человек, который проявил качества, ценные в обществе.

Вторая группа ответов конкретизирует представления об идеальном, которые у отвечающих оказались различными, поскольку продиктованы вкусовыми пристрастиями и субъективным взглядом на объективную действительность: *Диван в лучшем смысле слова* – мягкий, удобный, практичный, красивый, комфортный, дорогой, стильный, качественный, большой, роскошный, монументальный, известной фирмы, из последней диванной коллекции, не совсем похож на диван, сверхдиван – с функцией массажа, кожаный, трехместный.

Человек в лучшем смысле слова – храбрый, смелый, неординарный, честный, приятный в общении, ответственный, гуманный, добрый, благородный, может поддержать в беде, волевой, отзывчивый, способный к состраданию, искренний, настоящий, ответственный, порядочный.

Полученные в результате эксперимента ответы подтверждают нашу гипотезу: сочетание *в лучшем смысле слова* проинтерпретировано с опорой на признаки «образец», «идеал», «какой должен быть». Положительный результат эксперимента подтверждает мысль М. Гаспарова о том, что свойство безоценочности – труднодостижимое понятие для взрослого человека (Гаспаров 2000, с. 413). Анализ реальной языковой практики дает возможность подтвердить полученные результаты, например: *Одним словом, Jetta – транспортное средство в хорошем смысле слова. Не-*

броская, но эффективная машина – она вряд ли поможет выделиться из толпы и самоутвердиться, но на повседневном уровне сделает все необходимое, чтобы часы за ее рулем прошли без стрессов и истерик (За рулем; 21.10.2011); *Кто из живых авторов представляется вам перспективным «издательским проектом» – проектом в лучшем смысле слова?* (Независимая газета – НГ Ex Libris; 12.05.2011).

Подводя итоги наблюдениям, автор отдает себе отчет в том, что сформулированные ниже выводы не являются бесспорными. Нам представляется, что метаоператор *в хорошем смысле слова* является особым языковым средством, способным выявить в любой единице языка наличие позитивной оценочности, особенно в тех случаях, когда оценочность в словах носит неявный характер и человек, употребляя эти слова, «сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир» (Зализняк и др., с. 9). Метаоценка *в хорошем смысле слова* является репрезентативным оператором, который служит своеобразным «тестом» на само наличие языковой оценочности. Ценностный взгляд на объективную действительность оказывается шире, чем может представляться с первого взгляда. Наивная аксиология, одним из средств выражения которой является метаоператор *в хорошем смысле слова*, включает в свою оценочную деятельность весь окружающий мир. Идеализированная модель мира практически накладывается на языковую картину мира в целом.

Литература

АПРЕСЯН, Ю. Д., 1995а. Коннотации как часть прагматики. *In: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Избр. тр. Т. 2. Москва: Школа «Языки русской культуры», 156–177.

АПРЕСЯН, Ю. Д., 1995б. Прагматическая информация для толкового словаря. *In: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Избр. тр. Т. 2. Москва: Школа «Языки русской культуры», 135–155.

АРУТЮНОВА, Н. Д., 1988. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука.

БАЦЕВИЧ, Ф. С.; КОСМЕДА, Т. А., 1997. *Очерки по функциональной лексикологии*. Львов: Изд-во «Світ».

ВЕПРЕВА, И. Т., 2005. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. 2-е изд. Москва: Олма-Пресс, 2005.

ВЕПРЕВА, И. Т., 2006. Детабулизация в современном русском языке и любовная лексика. *In: Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г.* Екатеринбург: УрГПУ, 19–27.

ГАСПАРОВ, М. Л., 2000. *Записки и выписки*. Москва: Новое литературное обозрение.

ЗАЛИЗНЯК, А. А.; ЛЕВОНТИНА, И. Б.; ШМЕЛЕВ, А. Д., 2005. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры.

КОБОЗЕВА, И. М., 2000. *Лингвистическая семантика*. Москва: Эдиториал УРСС.

КОСТОМАРОВ, В. Г., 1994. *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва: Педагогика-Пресс.

МАТВЕЕВА, Т. В., 2000. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности *In: Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии*. Под ред. Н. Д. ГОЛЕВА. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 46–55.

РАДБИЛЬ, Т. В., 2011. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления. *In: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология»*. № 6. Часть 2. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 569–573.

ТЕЛИЯ, В. Н., 1996. *Русская фразеология: Семантический, прагматический, и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры».

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. 2008. Отв. редактор Н. Ю. ШВЕДОВА. Москва: Издательский центр «Азбуковник».

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. 1998. Под ред. Г. Н. СКЛЯРЕВСКОЙ. Санкт-Петербург: Изд-во «Фолио-Пресс».

ЧЕРНЕЙКО, Л. О., 1996. Порождение и восприятие межличностных оценок. *Филологические науки*, 6, 42–53.

ЭПШТЕЙН, М. Н., 1991. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса). *Вопросы языкознания*, 6, 19–33.

Irina Vepreva

Ural Federal University, Russia

Research interests: Russian language, sociolinguistics, semantics

THE ROLE OF THE METAOPERATOR IN THE GOOD SENSE OF THE WORD IN AN IDEALISED WORLDVIEW

Summary

This article investigates the functioning of the metaoperator *in the good sense of the word*, which

is used to build an idealised worldview in contemporary speech. The current speech stereotype semantically transforms lexical elements, re-coding their axiological component(s) from negative to positive. The article distinguishes between two types of reflexive utterances based on pragmatic semantic differences. The first type of the metaoperator *in the good sense of the word* fully neutralises the negative meaning of the semantic components of the word in question. This type includes agentive names, attributive and processual

characterising words, abstracted characteristics of the subject (both animate and inanimate), and appearance. The second type includes utterances where the role of the metaoperator *in the good sense of the word* neutralises both common and individual negative connotations not included in the conceptual nexus of the word. This type lets the operator, on the one hand, release the individual negative connotations that have appeared in contemporary speech while, on the other hand, it de-ideologizes the lexeme. The article also demonstrates the results

of an experiment made, first, to examine the potential possibility of axiological re-coding of any negative word, and second, to estimate a non-estimating word. The experiment gave positive results for both tasks, allowing the author to state that the naive axiology includes the entire world in its estimative perception. The idealised model of the world practically overlaps with the language worldview.

KEY WORDS: metalinguistic utterance, estimation, lexical semantics, pragmatic information, connotation.

Gauta 2011 12 09

Priimta publikuoti 2012 01 26